

Валерия Шаталова,
Дарья Урбанская

ГОД
ЛЕВИАФАНА

МОСКВА

Валерия Шаталова,
Дарья Урбанская

ГОД
ЛЕВИАФАНА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш28

Иллюстрация на переплете *Kate Plotnik*

Шаталова, Валерия Рашитовна.

Ш28 Год левиафана / Дарья Урбанская, Валерия Шаталова. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-206427-2

С самого детства Хильди носит на запястье метку предателя. Она привыкла к презрению и бедности, и ей кажется, что хуже быть уже не может.. пока однажды она случайно не разбивает в лавке подарков странный шар, заполненный сверкающим туманом. С этого момента Хильди начинает преследовать незнакомец, брат подозрительно себя ведет, а дни куда-то исчезают... А ПОДО ЛЬДОМ ОЗЕРА МУТТ МЕЛЬКАЕТ БИРЮЗОВАЯ ЧЕШУЯ!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шаталова В.Р., Урбанская Д.В.,
текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206427-2

ПРОЛОГ

[НИССА ЯНСЕН]

Стоя под старым кряжистым дубом висельников — по шиколотку в снегу, со связанными руками, в грязном платье, впитавшем в себя зловоние темницы, — Нисса Янсен с горечью думала, что никогда не отмоется от такого позора.

Она росла старшей из трёх дочерей в аристократической, но обедневшей семье с юга Грантланды. На достойную партию рассчитывать не приходилось, так что сватовство сканда Гордона Янсена стало большой неожиданностью и радостью. Она так с тех пор и не узнала, что побудило столичного аристократа заключить брак с кем-то вроде неё, ведь с мужем у них сложились ровные и прохладные отношения. Каждый в их союзе занимался своими делами, не лез в душу другому, и обоим это подходило.

Первенец у четы Янсенов появился, как и полагается, в первый год после заключения брака. Нисса плохо помнила подробности, роды длились два дня и слились в один мучительный липкий кошмар. После перенесён-

ных страданий она так и не смогла найти в себе ни единой искорки того, что называют материнской любовью. Все эти хлопоты легли на няnek, а позже учителей, и Ниссу это более чем устраивало. Так и сложилось, что главной отрадой её была светская жизнь богатой аристократки в Грантроке, столице Грантланды.

Особняк Янсенов располагался на одном из центральных трактов Грантрока. Рауты в его стенах сменялись зваными ужинами, приёмы в замке конунга — благотворительными посещениями целительской башни для бедных, а в кругу таких же аристократических сканд, как сама Нисса, разговоры сводились к последней моде на капоры из Гардарики с мехом йерффа да к стоимости очередных парадных саней, купленных их богатыми мужьями.

Так что, когда в столовую их особняка прямо во время обеда ворвались законники в своих неизменных синих плащах, её первая мысль была о том, что об учинённом безобразии скажут в свете.

— Именем закона Грантланды сканд Гордон Янсен и сканда Нисса Янсен обвиняются в государственной измене...

«Измена? Какая чушь!»

Нисса бросила взгляд на мужа, но на его породистом лице не отразилось ни страха, ни тени вины — лишь безмерное удивление происходящим.

«Возмутительно! Ясно же, что произошла какая-то отвратительная ошибка!»

Вслух Нисса ничего не произнесла, сжала плотнее губы, чтобы ни единый возглас или хуже того — невольное ругательство случайно не сорвались с губ. Она

Год Левиафана

с достоинством позволила взять себя под стражу и усадить в сани управы.

«Гордон разберётся. Во всём разберётся».

С надменным спокойствием на лице, но бурлящей внутри яростью она смотрела, как прибывают новые и новые сани во двор их особняка. Как наезжают полосьями на припорошённые снегом кустики спиреи, заботливо высаженные садовником лишь прошлой весной. Как законники бесцеремонно затапливают в сани сканда Альрика и чету Сульберг, пришедших сегодня на праздничный обед в дом Янсенов.

«Руны священные, как же стыдно!»

В другие сани, грубо пихая в спины, поместили кого-то из слуг. В третьи... Мальчишка с перепугу вцепился в девчонку, как в вязаного козлёнка — любимую игрушку его детства.

«Их-то за что?!»

Нянька Далия что-то вопила, сперва схватившись за плащ законника, а потом бросившись вслед за тронувшимися санями с детьми. Но её быстро нагнал один из управцев и повалил лицом в снег, выкручивая руки.

Взгляд Ниссы устремился дальше, на противоположную сторону улицы, туда, где толпились горожане, привлечённые безобразной сценой. Среди них она заметила служанок в одежде с родовыми знаками их соседки, сканды Линнсен, а это означало, что уже через час-другой заклятая подруга ославит её на весь Грантрок.

«Позор, какой же позор!»

Нестерпимо хотелось спрятать лицо в ладонях, а лучше сползти на пол саней и трусливо скрыться от любопытных взглядов под скамьёй. Но Нисса упрямо

вздёрнула подбородок и уставилась в прогал между витыми рогами ездового козла.

«Гордон разберётся. А уж после... Я даже не знаю, какими извинениями эти хамы смогут загладить свою вину».

Но то было несколько недель назад. Теперь же Нисса Янсен стояла в роще висельников, что росла почти сразу за городскими воротами Грантрока, и почти не прислушивалась к скальду, которого назначили зачитывать приговор.

— ...за многочисленные козни против конунга и его семьи... лишены родовых привилегий... всё имущество подлежит... приговариваются к смерти... дети будут помилованы по малолетству, но получают знак варга пожизненно...

Гордон за время, проведённое в темнице, утратил свои аристократические апломб и надменность. Он тоже не вслушивался в звучащие слова — их содержание уже было ему известно. Приговор им обоим огласили ещё в застенках. Вместо этого он словно искал кого-то — растерянно шарил взглядом по горожанам, пришедшим из города на казнь.

За толпой простолюдинов в некотором отдалении стояло несколько богато украшенных саней, запряжённых породистыми ездовыми козлами, — кто-то из аристократов тоже пожаловал.

«То ли посочувствовать, то ли позлорадствовать! Киа такое событие ни за что не пропустит. — Нисса шурилась, сияясь разглядеть родовые гербы на дверцах. — Уж я потом вам всем припомню это унижение!»

Год Левиафана

Наконец вперёд шагнул один из магов на службе у конунга. Палач. Его лицо пряталось в тени глубокого капюшона, который натягивался поверх кожаной маски, скрывающей черты лица. Скальд произнёс что-то ещё, маг взмахнул рукой, и толпа зевак ахнула. Да что там толпа — Нисса сама чуть не опозорилась, неаристократично разинув рот. Повинуясь воле мага-палача, с дуба свесилась искрящаяся верёвка с петлёй на конце. Извиваясь, словно живая, она опустилась на уровень головы Гордона.

«Да всё уже! Хватит! Мы достаточно напуганы».

Она переводила взгляд то на мага, то на скальда, ожидая, что вот сейчас первый развоплотит верёвку в блестящие искры, а второй достанет новый свиток и зачитает объяснения всему этому позору.

Но шваххова верёвка одним плавным движением набросилась Гордону на шею. Он захрипел и задёргал сведёнными за спиной руками, силясь развязать путы. А удавка тем временем натянулась и медленно стала укорачиваться, подтягивая за собой и осуждённого. Нисса во все глаза смотрела, как её муж, уважаемый и благородный сканд, пятится, как встаёт на носочки, пытаясь оттянуть неизбежное, как лицо его принимает сначала багровый, а затем и фиолетовый оттенок.

Нисса все эти дни ждала, что кто-то войдёт в темницу и начнёт рассыпаться перед ней в извинениях. Пребывала в твёрдой уверенности, что всё это просто досадное недоразумение, ошибка, навет злопыхателей. Что Гордон решит всё в ближайшее время. Объяснит, что никогда не замышлял ничего против конунга. Но Гордон не объяснил. Гордон бился в конвульсиях на

Валерия Шаталова, Дарья Урбанская

дубе висельников, прямо у неё перед глазами, и никто не спешил принести за это извинения. И тут до Ниссы наконец дошло.

— Но мы же невиновны! — взвизгнула она, безумными глазами оглядывая толпу. — Мы не предатели, не варги! Я никого не предавала!

Она попыталась шагнуть в сторону скальда или мага, чтобы объяснить им. Но ноги отказались подчиняться.

— Прекратите это! — взывала она, больше не сдерживая слёз. — За что? Я же ни в чём не виновата!

В исступлении мотая головой, Нисса заметила какой-то отблеск краем зрения. Она панически дёрнулась, попыталась отшатнуться, но не смогла — у неё на шее затянулась искрящаяся удавка.

ГЛАВА I

[БРУНХИЛЬД ЯНСЕН]

Хильди воровато огляделась по сторонам, осторожно протянула руку и погладила округлый бок стеклянной сферы. Не удержалась.

Праздничный шар переливался всеми оттенками голубого — от холодно-льдистого до небесно-хмурого. Лёгкое прикосновение пальцев — и туманность внутри сферы пришла в движение, засверкав бирюзовыми и серебристыми искрами.

— Невероятно, — прошептала Хильди, заворожённо всматриваясь в оживший вихрь снежинок.

— Братъ будете? — внезапно пробасили над ухом.

От неожиданности Хильди дёрнулась и неловко взмахнула рукой, задев стеклянный бок. Шар недовольно озарился синим всполохом, покачнулся и сорвался с бечёвки, за которую был подвешен.

— Осторожно! Стой! — выкрикнул лавочник и метнулся к падающему шару.

Поздно.

Хильди только и успела, что испуганно задержать дыхание, а в следующий миг звон сотен осколков красноречиво сообщил о непоправимом.

«Нет, нет, нет...»

Над россыпью битого стекла взметнулся всполох голубоватого тумана и тут же, гонимый по полу сквозняком, исчез за стеллажом с подарочными коробками.

— Двадцать три пеннингара, — вынес приговор суровый лавочник и отшвырнул мыском сапога ближайший осколок. А затем он сместился влево, преграждая своей массивной фигурой путь к выходу.

«Двадцать три...»

В кармане плаща Хильди судорожно сжала пальцами одну-единственную монетку.

— Я... — Она нервно сглотнула, не поднимая взгляда. — Простите, пожалуйста.

Лавочник настойчиво протянул мозолистую ладонь.

— Я случайно задела. — Голос предательски дрогнул. — Вы напугали меня, и вот... Простите, простите. — Она виновато закусила губу, мысленно коря себя за то, что зашла сегодня в эту лавку. Ведь не собиралась же. Но так хотелось окунуться в атмосферу зимнего праздника, всего лишь посмотреть на сверкающие шары и гирлянды, вдохнуть пряный аромат фруктов из далёкой Гардарики и привычной, но оттого не менее любимой хвои. — Я... Я могла бы всё убрать. И... порядок навести. Полы помыть, разобрать товар.

— Полы помыть? Да на кой швахх мне сдались твои полы?! — Разозлённый лавочник грубо схватил Хильди, до боли сжал её плечо, вынуждая поднять опущенную голову, а затем прищурился, разглядев наконец её гла-

Год Левиафана

за. — Ах ты... Мне следовало бы догадаться. Деньги давай, отродье варга!

Варг. Это слово преследовало её с самого детства. И с каждым разом жалило всё больнее. Слово-то было прежним, да только чем взрослее становилась сама Хильди, тем глубже ранила её эта несправедливость.

В требовательной, злой тишине, которая ещё немного — и заполнилась бы всхлипами и мольбами, раздались шаги.

— Отпусти, — прозвучал мягкий баритон.

Хватка тут же ослабла. А из-за нарядной горы подарочных коробок вышел мужчина. На мгновение он прищурился, словно его ослепило солнечными лучами в летний полдень, хотя лавку освещали обычные лампадки, свисающие с потолка. Да и какое лето... за окном ветер осыпал прохожих колючими снежинками и морозил щёки.

Одет мужчина был непривычно: плащ с элегантными кожаными вставками и капюшоном дышал дороговизной, но выглядел старомодно. Хильди не сильно разбиралась в мужской одежде богатых скандов, но так будто бы ещё в прошлом веке одевались.

«Может, скальд? С выступления прямиком, вот и в образе...»

Особенно в глаза бросалась старинная застёжка-фибула, ярко отливающая серебром на фоне тёмной плотной ткани. Сужающиеся к низу штаны незнакомец заправил в высокие сапоги, тогда как в Лэе давно уже предпочитали ботинки, подбитые кроличьим мехом.

«А может, чужеземец?»

Хильди встретила с уверенным взглядом странных ярко-голубых глаз.

«Он что, тоже какой-то варг?»

Она мимолётно отметила и упрямые светлые брови, и нос с лёгкой горбинкой.

«Наверняка был сломан».

Под пристальным вниманием незнакомца Хильди ступевалась и, нахмурившись, принялась рассматривать осколки на полу.

«Двадцать три пеннингара... Как же быть?»

— Вечер добрый, — тем временем расплылся в угодливой улыбке лавочник. — Не слышал, как вы вошли, уважаемый сканд...

«Перед варгом он бы не стал так заискивать. Может — маг? — невольно промелькнула мысль. — Хотя откуда бы ему взяться в нашей глуши...»

Потенциальный покупатель не спешил заполнить повисшую паузу и назвать своё имя, ограничился лишь коротким:

— Отпусти её. Беру расходы на себя.

Хильди шумно выдохнула, не веря своему неожиданному спасению.

— Спасибо, — тихо прошептала она. — Спасибо вам, достопочтимый сканд.

Она благодарно склонила голову и торопливо выскочила из лавки, боясь, что неожиданный благодетель передумает.

[ТОРВАЛЬД САРОТ ДИВ ЛА ФРАЙН]

Торвальд лениво приоткрыл глаза и проводил взглядом крупницы хаоса, пляшущие в воздушных потоках. Недовольный ветер тянул заунывную песнь о вечных льдах и далёких бурях, а море неспешно качало мощ-

